

HELLo NEIGHBOR

ПРОЛОГ

7 июня 1990 года, Германия

Вы когда-нибудь по-настоящему задумывались над тем, что деревья чем-то похожи на людей? У них большие острые ветки, похожие на руки, иногда они в них что-то держат, например гнёзда или плоды, а сверху у них огромный шар из листьев, как будто волосы на голове. Деревья могут быть любой формы и размера: некоторые высокие, некоторые низкие, есть пальмы, а есть вязы. И у каждого своя история, так же как и у нас.

Как у неё.

У неё...

Нет, не у неё.

Это не она.

В голове звучит папин голос. *Не она. Не она.*

Вокруг царит настоящий хаос. Изумлённые люди с широко раскрытыми ртами. Я замечаю

кудрявую женщину, которая закрывает глаза своему маленькому сыну. И деревья... Деревья в парке тоже застыли от ужаса и смотрят не на неё, а на бревно аттракциона.

Я даже не помню, когда успел подбежать совсем близко. Я едва замечаю происходящее. Я только знаю, что должен подойти ещё ближе, понять... чем я могу помочь.

Теперь я совсем рядом с бревном, крики становятся всё ближе, и всё ближе ужас, с которым никто не может ничего поделать. Никто этого не планировал, напоминаю я себе, хотя у меня в жилах стынет кровь. Но это не значит, что никто этого не ожидал.

Это не она.

Я прищуриваюсь. Я вижу врача с толстым чёрным мешком. Он накрывает им чьи-то ноги, а потом и остальное тело. Прежде чем врач увозит его, я замечаю макушку головы какого-то мужчины.

Не она.

Не она.

Не она.

Он.

Он, который больше никогда не съест липкого печенья с шоколадной крошкой, не будет смеяться так сильно, что у него польёт из носа, и не будет плакать, если в фильме умрёт собака. Он больше никогда не будет бежать к автобус-

ной остановке, не скажет своей семье, что любит их, и не нарисует на листке бумаги логотип с супергероем. *Он* больше никогда не пойдёт в спортзал, не будет досаждать своей младшей сестре, не будет играть в видеоигру или читать книгу.

Он, чья смерть будет преследовать мою семью повсюду. *Он*, чья жизнь не должна была обрываться.

Он.

Не она.

Это не она.

* * *

Равен Брукс, наши дни

Я вижу папу. Все в панике, кроме него. Он смотрит прямо на меня. Как будто он меня ждал. Как будто он этого ожидал.

Я прижимаюсь к его широкой груди. Он обнимает меня, но в нём какая-то скованность, которую я никак не могу объяснить. На этот раз всё не так, как на аттракционе в Германии, и я не знаю почему. Может быть, потому что в прошлый раз на аттракционе с брёвнами её не было. Но теперь она здесь. Была.

Я пытаюсь прочесть папины мысли. Я не хочу, чтобы он мне это говорил.

Это не она.

Я перевожу взгляд вверх и вижу переднюю машинку, оторвавшуюся от аттракциона «Гнилой огрызок». Остальные машинки застыли на вершине. Несмотря ни на что, они выглядят странно нормальными. Как будто ничего ужасного не произошло. Если прислушаться, то можно даже услышать щебет птиц высоко в небе — самая обычная вещь. Но здесь нет ничего нормального. Не должно быть. И крики людей определённо нельзя назвать нормальными...

Я долго стою, уткнувшись в папину грудь. Но услышав громкий вопль какого-то мужчины, я больше не могу этого выносить.

Я поднимаю голову и смотрю папе прямо в лицо. И тогда он спокойно, как будто уже это практиковал (возможно, так оно и есть), произносит:

— Это не она.

Я пристально смотрю на него, с трудом сдерживая слёзы. Мне нужно, чтобы он снова это сказал.

«Это не она».

ГЛАВА 1

Надень синий галстук, — говорит мама, и это было бы смешно, если бы я был в настроении смеяться, потому что галстук у меня всего один. Мама щёлкает языком и что-то бормочет насчёт того, что пора бы распустить кромку брюк.

Конечно, я не часто бывал на похоронах, но именно так мама вела себя перед поминками Сигрид Келлер, нашей соседки в Германии. Сигрид пекла нам кексы с лесными орехами. Но потом она заболела и умерла, и с тех пор я больше не ел ореховых кексов.

В день поминок мама носилась по всему дому, как будто на свете не было ничего важнее наших причёсанных волос и чистых ногтей. Как будто бедный мистер Келлер будет проверять, чисто ли у нас за ушами. Тем утром, пока все оставляли на его кухонном столе кастрюльки с едой и визитные карточки, он не выходил из своей

спальни. Конечно, я не мог его за это винить, просто дело в том, что похороны не для меня.

Я думаю о том, что сегодня утром делают мистер и миссис И. Потому что это была не моя сестра, не Мия. Это была она, их дочь Люси. Люси И.

— Мы выходим через десять минут, — тихо говорит мама из прихожей. На ней серое платье с кружевным воротником: мы всегда говорим ей, что в нём она похожа на жительницу прерий, а она делает вид, что сердится. Но сегодня утром никто не шутит. Ничто больше не кажется смешным.

Мия выходит из комнаты в тёмно-фиолетовом платье, в котором два года назад была на «Щелкунчике». Теперь оно ей коротко. Я помню времена, когда край её платья волочился по полу, и она держала его в руке, пока не отвлеклась на попкорн. Теперь над носками видны её щиколотки.

Есть что-то неправильное в том, что мы надели те самые вещи, в которых когда-то улыбались. Всё это кажется неправильным. Наверное, всё на самом деле неправильно.

Мы идём на кухню. Папин костюм висит на стуле, ещё тёплый от уюга.

Мама делает глубокий вдох, разжимает и снова сжимает кулаки, как можно спокойнее подходит к костюму, перевешивает его через руку и исчезает в подвале.

Мы с Мией решаем не идти за ней. Мы не видели папу со дня церемонии открытия.

Мы краем глаза наблюдаем друг за другом, опасаясь прямо смотреть друг другу в глаза и в то же время не желая упустить ни малейшего взгляда, ни малейшего намёка на то, как нам следует себя вести, что мы должны чувствовать и как нам со всем этим справляться.

Наконец мама снова поднимается по лестнице. Она топает чуть громче, чем когда спускалась вниз. На руке у неё по-прежнему висит папин костюм, хотя самого его нигде не видно.

— Пора идти, — говорит мама.

Мы с Мией стоим неподвижно.

Мама бросает тщательно отглаженный костюм на спинку дивана и поворачивается к нам:

— Я сказала, идём.

Обсуждения не будет. Мы следуем за ней к машине.

По пути в дом вечного покоя Равен Брукс мы не произносим ни слова. Я смотрю, как Мия тербит золотой браслет на руке, и подвеска в виде золотого яблока раскачивается в разные стороны.

Мама останавливает машину в дальнем конце парковки. Мы гуськом идём к похоронному залу, где на тротуаре уже ждёт женщина в хрустящих чёрных брюках и кремовой блузке и выдаёт нам программки.

Это список всего того, что мы должны сделать, чтобы проститься с Люси.

Как только мы входим в похоронный зал, я пытаюсь смотреть на лица людей вокруг, но у них у всех опущены головы. Кажется, они тоже разглядывают свои программки. Интересно, они рады, что у них есть инструкции, или это расписание кажется им странным? Может быть, и то, и другое.

Кроме женщины на тротуаре, в похоронном зале нас встречает миссис И, чего я совсем не ожидал.

— Мия, Аарон, — говорит она, выделяя каждую согласную в наших именах, как будто мы герцог и герцогиня Корнуолльские. — Диана. — Она не здороваётся, просто произносит наши имена.



Кажется, мама не знает, что делать, и выпаливает:

— Это так ужасно, Бренда. Это просто ужасно.

Это не та мама, которая в Германии организовала комитет, чтобы мистер Келлер целый месяц получал горячий ужин, которая разбирала его письма и в случае особой необходимости тихо задавала ему вопросы.

— Спасибо, что пришли, — отвечает миссис И, и хотя это правильные слова, они почему-то кажутся неправильными.

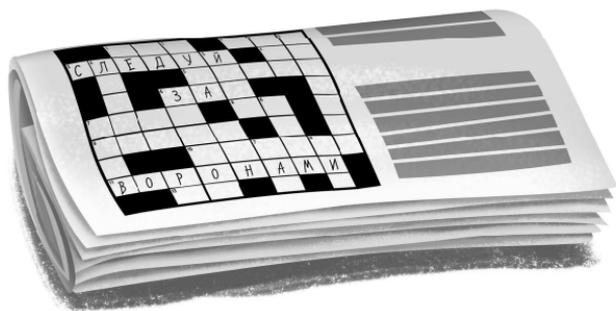
Через секунду я понимаю, что она просто не хотела их говорить. Не нам.

Я вопросительно смотрю на маму, надеясь уловить какой-нибудь знак того, что нам действительно стоит здесь быть и что все жители Равен Брукс не мечтают, чтобы на этом месте оказался один из нас.

Но миссис И уже здоровается с кем-то другим, мама идёт к скамье в конце комнаты, а Мия выглядит так, как будто заблудилась. Внезапно она берёт меня за руку, и я нахожу ответ, который искал. Мы должны быть здесь. Люси была и нашим другом.

На скамье рядом со мной лежит забытая газета «Равен Брукс Баннер», и я пытаюсь отвлечься кроссвордом, но у меня такое чувство, будто на меня все смотрят. Я откладываю газету в сто-

рону, едва обратив внимание на столбик с буквами, которые образуют часть незаконченного предложения:



Потом начинается церемония.

Миссис И первой произносит речь, и я думаю, что она, наверное, суперчеловек, потому что не могу понять, как она вообще может стоять. Лично меня совершенно не держат ноги. Потом я слышу в прихожей рыдания мистера И. Он не смог даже зайти в зал вместе со всеми. Кажется, я понял: миссис И — суперчеловек, потому что ей пришлось. Потому что из-за аттракциона у неё нет выбора.

Краем глаза я замечаю, что наши друзья Энзо, Марица и Тринити и их родители сидят в заднем ряду, опустив головы. Я пытаюсь поймать взгляд своего лучшего друга Энзо, но он не смотрит мне в глаза. Я хочу подойти к ним, но не могу избавиться от ощущения, что я здесь чужой. Как будто мы не должны сидеть рядом с ними.

Женщина, которую миссис И представляет как тётю Люси, Беатрис, исполняет на фаготе мелодию.

Мужчина, которого миссис И называет пастором, читает молитву, стоя за тёмно-зелёным гробом.

Я пытаюсь прислушиваться к тому, что говорят люди, когда занимают места за зелёным гробом и цветами. Я хочу услышать, какой потрясающей была Люси, как ей удалось сделать музыкальный клуб столь желанным местом, куда все хотели вступить, но мой глупый мозг то и дело задаёт вопрос, что будет делать миссис И, когда вернётся домой и увидит на кухонном столе сотни кастрюлек.

После окончания службы люди поодиночке встают со скамеек, но не выходят через заднюю дверь, в которую мы все зашли. Они выходят через дверь в передней части зала. И по пути все они останавливаются у зелёного гроба.

Останавливаются, чтобы попрощаться с Люси.

Кажется, Мия тоже это поняла, потому что снова сжимает мою руку.

— Не могу, — шепчет она, и её голос дрожит.

Не знаю, не может ли она поверить в происходящее или не может видеть гроб. Или она просто больше не может этого выносить. Лично я не могу ни того ни другого.